

Новое густое облако ароматного дыма заполнило все вокруг.

Громкие звуки, пронзительные визгливые голоса, пылающий огонь больших железных кастрюль, которые проворно перемешивались поварами.

Пламя, мерцающее в воздухе...

Все смешивалось с различными ароматами приготовленных блюд, создавая атмосферу очарования, но в то же время и ловушки.

Это место всегда пугало ее, даже если она работала там некоторое время.

- Заказ!

Сине-черноволосая девушка моргнула раз или два, потерявшись среди языков пламени, когда ее внимание привлек крик.

Она могла слышать команды, выкрикиваемые среди хаоса, когда появлялись тарелки. Это было прекрасное зрелище, и она солгала бы, если бы сказала, что не заметила особого сияния, когда промышленная кухня работала, теряясь в этом.

Его можно было легко заметить среди поваров, и он даже пробовала сама готовить раз или два, но, к ее несчастью или небольшому опыту, это приводило к ожогам.

Она крепче сжала швабру, которая была ее постоянной спутницей в этом месте и помогала ей работать. На белом фартуке, прикрывавшем ее груди, казалось, было на две или три цифры больше, чем следовало для юной девушки, не было ни пылинки..

Немного застенчивая, она старалась делать все, что могла, посреди хаоса. Это не было делом ее жизни, это не было чем-то, к чему можно привязаться, но это было все, что у нее было, и все, что ей оставалось, чтобы выжить, поскольку ее мать работала в этом месте.

Приказы Ханны, ее матери, закрепились в маленьком сознании как инструкция: никогда ничего не говорить, не отвечать, не спрашивать и просто делать свою работу.

Никогда не смотри никому в глаза и главное - никогда не смей быть никем, тем более здесь.

Грустно, не правда ли?

К сожалению, это пространство было всем, что она знала, ее маленький мир ограничивался этим и книгами, которые ей время от времени удавалось достать, и если в чем-то она всегда

была абсолютно уверена, так это в том, что она никто и никогда не будет никем.

Но если однажды она сможет лишь мельком увидеть свет солнца, возможно, прикоснуться к нему, постигнет ли ее та же участь, что и Икара?

Весь ее мир состоял из этого помещения и окружающих его переулков и улиц. Ее мир был таким... маленьким.

Ее слишком белая кожа говорила о том, что она провела слишком много времени в этих стенах изоляции. Там было не только место, где она работала, но и где она жила.

Она родилась там и молила Бога, чтобы не умереть там. Не то чтобы она никогда не уезжала, она уезжала, но всегда был предел, всегда были оковы возвращения, своего рода ошейник. Она была маленьким животным, и если бы она убежала, ее хозяин был бы очень, очень зол.

Могло быть и хуже, верно?

Возможно, это были моменты, когда она думала о главном и неоспоримом правиле: она никогда, никогда не должна входить во вторую часть этого места.

Она не знала, что это было, не говоря уже о том, что было после.

Что будет за большими и тяжелыми стальными дверями, было совершенно неизвестно, но если это было правило ее матери, она будет его соблюдать, в конце концов, она была единственным человеком, которому она доверяла, ее единственным убежищем, ее миром и ее уверенностью.

Она хорошо справлялась с таким правилом, хотя, будучи маленькой девочкой, все еще пыталась шпионить, но у нее не хватало сил открыть такие двери, но постепенно она потеряла смелость пытаться, хотя любопытство все еще жило в ней.

Ханна всегда заботилась о ней, но прошло ровно шесть месяцев с тех пор, как ее мать исчезла оттуда.

Она отправилась в путешествие с парнем и не вернулась.

Шесть месяцев, которые она плакала в одиночестве, шесть месяцев, которые она терпела, молилась, молилась, молилась, сохраняя веру.

Шесть месяцев в аду и в одиночестве.

Лучше верить, что она просто выполняла какую-то работу, верно?

Она вывела для себя особое правило: никогда не спрашивай о том, что боишься узнать. Что бы ни было по ту сторону этой двери, оно не должно быть таким уж хорошим, в конце концов, ее мать работала по ту сторону, и ее не было... Как и других.

*

Ругательства, произнесенные толстым, высоким, вонючим мужчиной, разбудили ее от воспоминаний и мыслей.

Джиробо был тем, кого она называла извращенной свиньей, отвратительным человеком во всех отношениях, постоянно хватающим девушек, с которыми он работал, полным непристойных прикосновений, грязных слов или других вещей, на которые она предпочитала не обращать внимания.

Она была уверена, что если однажды эта отвратительная свинья попытается что-то сделать, она, не задумываясь, воткнет в него один из тех многочисленных ножей, которые были на кухне.

Черноволосая девушка, начала обращать внимание на то, что он говорил и кричал по-английски кому-то по телефону, она не очень хорошо понимала язык, но достаточно, чтобы понять некоторые свободные фразы, отличающиеся от того, что могло показаться. Она была намного умнее, чем казалось, она училась достаточно легко, много читала и гордилась этим, даже если это все еще было скрыто.

Конечно, эти люди даже не подозревали, что ее мать научила ее читать и писать, и что она далеко не ограничилась этим.

Когда у нее было время и ей удавалось вырваться оттуда, она запиралась в коридоре книжного магазина и тайно читала, пока ее оттуда не выгоняли.

В этом диалоге она поняла, что у Джиробо есть проблемы, и большие.

Девушка так сосредоточенно наблюдала за ним, прислушиваясь к разговору, что даже не заметила, как на его лице появилась лукавая улыбка, а когда она наконец увидела его, было уже поздно.

Такой холодный и макиавеллистский...

Он с силой схватил ее за левую руку, увлекая за собой посреди раскаленной кухни, среди огромных кастрюль и пламени. Он взял с полки пару одежды и бросил ее ей на грудь, которая в замешательстве нахмурилась.

- Дом сегодня полон, дорогая, это подойдет! - сказал он, отрывая сигарету от губ и выпуская дым ей в лицо, смеясь. - Ваш большой шанс блеснуть.

Тем не менее, черноволосая девушка протянула свою одежду и впервые в жизни нарушила правило, по крайней мере, перед кем-то.

- Я не буду это носить! Она ничего не покрывает! - Ее глаза расширились, щеки покраснелись, и она выглядела несколько раздраженной и раздосадованной. У нее был довольно спокойный, застенчивый характер, но это?

Она содрогнулась от возможности надеть эти порочные мантии, но даже с учетом ее миролюбия, ее упрямство было воспринято как бунт и неповиновение, и она была потрясена, когда ее лицо загорелось от резкой пощечины.

- Прикройся, девочка! Не то чтобы ты могла кого-то заинтересовать", - насмешливо рассмеялся он, хотя его взгляд остановился на ее юной, несколько объемной груди. Переоденься! У меня нет времени чтобы долго ждать тебя!

Она огляделась в поисках места, куда можно было бы пойти, чтобы сделать это.

- Где... я могу переодеться? - Она колебалась, чувствуя, как горит ее лицо, и была уверена, что выглядит как спелый перец.

- Используй свое воображение, глупая девчонка!

<http://tl.rulate.ru/book/177/1246>